

Климова Светлана Борисовна

БУНИН, АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ

В статье рассматриваются литературные, личные и социо-культурные связи Бунина с Англией. Диалог Бунина с Англией и англичанами был длительным и отражал его художественные вкусы, личностные ориентиры и политические убеждения. Его своеобразие отчасти проясняет восприятие бунинского творчества в самой Англии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/4/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 93-96. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

12. **Nastase Raicu Ioana.** Political Discourse and CDA - a Constructive Alliance? [Электронный ресурс]. URL: www.lcce.valahia.ro/doc/27.%20Ioana%20Raicu.doc (дата обращения: 11.08.2010).
13. **Van Dijk T.** Critical Discourse Analysis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.discourses.org/> (дата обращения: 26.07.2010).
14. www.isras.ru

POLITICAL DISCOURSE SPECIFICITY

Ekaterina Aleksandrovna Karpukhina

Department of Foreign Languages

*Technical Institute (Branch) of Northern-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
kath-e-rine@mail.ru*

The article is aimed at political discourse research. "Politics language" term appearance determined "political discourse" content as purposeful action in some degree. Political discourse can be considered due to linguistics and politics synthesis that allows distinguishing some peculiarities in understanding this phenomenon, its nature and approaches to studying.

Key words and phrases: linguistic political science; discourse; text; ideology; politics; political communication; political discourse.

УДК 82

В статье рассматриваются литературные, личные и социо-культурные связи Бунина с Англией. Диалог Бунина с Англией и англичанами был длительным и отражал его художественные вкусы, личностные ориентиры и политические убеждения. Его своеобразие отчасти проясняет восприятие бунинского творчества в самой Англии.

Ключевые слова и фразы: диалог; перевод; переписка; культурное взаимодействие; опосредованные и непосредственные контакты; восприятие.

Светлана Борисовна Климова, к. филол. н.

Кафедра стилистики русского языка и культуры речи

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
klimova1@hotmail.com*

БУНИН, АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ[©]

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

«Мистер Иван Бунин, русский новеллист, вчера вечером стал почетным гостем на ужине ПЕН-клуба в ресторане Гаттис», - этими словами открывалась короткая новость об одном из ежемесячно устраиваемых торжественных ужинов ПЕН-клуба, опубликованная в газете «Таймс» 4 февраля 1925 года [20].

Бунин впервые побывал в Англии в начале февраля 1925 года. Судя по дневниковым записям его жены и верного товарища Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, - между 2 и 6 февраля [13, с. 135]. Поездка была организована ПЕН-клубом для того, чтобы, по словам самого писателя, «показать» его «английским писателям и некоторым представителям английского общества». Большую роль в этом сыграла жена корреспондента «Таймс» и члена ПЕН-клуба Г. Вильямса А. В. Тыркова-Вильямс - активный член английского Комитета Освобождения России и «старый и верный» друг Бунина. В воспоминаниях сына Тырковой-Вильямс А. Бормана указано прямо: «При помощи мамы для И. А. Бунина был устроен многочисленный прием в обществе английских писателей» [11, с. 374].

По поводу этой поездки Бунин, с ошибкой в дате, писал в своих «Воспоминаниях»: «Я в Англии до 1926 года не бывал. Но в этом году лондонский P.E.N. Club вздумал пригласить меня на несколько дней в Лондон <...> Возили меня в разнообразные дома, но в каждом из них я непременно переживал что-нибудь достойное Джерома. Чего стоят одни обеды, во время которых тебя жжет с одной стороны пылающий, как геенна огненная, камин, а с другой - полярный холод!» [4].

В общепринятом варианте этих воспоминаний преобладает характерный для поздней публицистики Бунина иронично-саркастический тон (чему свидетельство - приведенный выше фрагмент). За рамками канонизированного текста остаются при этом ностальгически окрашенные грустные описания обеспеченной жизни английских интеллектуалов и роскоши приема в его честь: «поезда-люкс», «пульмановские вагоны», «палас-отели», тот «счастливый случай», который нужен, «чтобы нашему брату попасть за границу» [5]. За рамки текста воспоминаний о Джероме также вынесено честное обобщение опыта непосредственного

знакомства Бунина с англичанами, высказанное Вере Николаевне сразу по приезду: «Англичане сердечнее французов, проще» [13, с. 135].

Непредвзятая чистота этого признания тем удивительнее, что у Бунина к этому моменту было сформировано иронично-негативное отношение не только к типу английского путешественника, но, в том числе, в их лице - к «чужому» английской нации. В его «Записных книжках» за март 1920 г. есть красноречивая запись о том впечатлении, которое неизменно производил на него англичанин в Африке - его «оскорбительно холодные» глаза, «невозмутимая» невнимательность к окружающему, «властная» и «наглая» уверенность в своем превосходстве над «презренными дикарями» [6]. Здесь «просвещеннейшая» снаружи «Британия» оказывается цинично жестокой и нагло самоуверенной внутри.

Бунин приезжал в Англию еще раз в 1936 г., но теперь уже в Русский Дом, для общения с русскими эмигрантами в Англии [11, с. 383-384]. А в декабре 1951 г. он получил телеграмму из Лондона с извещением о том, что его избрали первым почетным членом международного ПЕН-клуба [15, р. 488].

Диалог между Буниным, Англией и англичанами этими эпизодами, конечно, не начинается и не заканчивается. Этот диалог для Бунина был почти длиной в жизнь. Для английского читателя он продолжается и сегодня.

Первое опосредованное знакомство с Англией состоялось у Бунина еще в детские годы: в 1895 г. в письме к Коринфскому Бунин признается, что «первыми» его «книгами для чтения были «Английские поэты» (изд. Гербея) и «Одиссея» Гомера» и что именно они «пробудили» в нем «страсть к стихотворству» [9]. Еще тогда, когда «своего не печатал», он «...выучил английский язык и перевел «Гамлета»...» [2]. И хотя «Гамлет» ощущался им «как произведение неблизкое», Шекспир навсегда остался для него одним из «кумиров» [1]. Бунин возвращался к «Гамлету» и в дальнейшем. В письме К. С. Станиславскому от 5 ноября 1908 г. он предложил свой перевод для постановки в Художественном театре: «В газетах много пишут о том, что Художественный театр задумывает ставить Шекспира. Если в этом есть хоть доля правды, будьте добры иметь меня в виду как переводчика, - равно как и при постановке «Сарданапала» Байрона, буде таковая осуществится: перевод у меня наполовину готов» [10].

В более зрелые годы он обратился к переводу «Песни о Гайовате» Г. Лонгфелло. Перевод «Песни», осуществленный в 1896 г. и напечатанный одной книгой в 1898 г., был первым опубликованным переводом Бунина. Его восприняли восторженно самые разные критики и рецензенты. В 1903 г. он был удостоен Пушкинской премии; реакция английских специалистов была тоже положительной. В письме к М. Алданову от 10-11 декабря 1950 г. Бунин с удовольствием вспоминал: «после моего перевода Гайаваты - профессор-славист Морфиль писал из Англии: «При Вашем таланте и знании английского языка Вы должны переводить, переводить!» [15, р. 479]. Хвалебный отзыв его перевод получил и от зарубежного корреспондента газеты «Русские ведомости» и еженедельника «Русское богатство» И. Дионео (И. В. Шкловского), который писал Бунину о «Гайовате» 22 марта 1899 г. из Лондона: «Ваш перевод я прочел с величайшим наслаждением. Это действительно образцовый перевод: близкий к подлиннику и в то же время легкий, поэтический, звучный» [2, с. 378].

В цитированном выше письме к Алданову Бунин упоминает еще одно свое опосредованное знакомство с Англией - свои переводы из Байрона. Из текста письма очевидно, что в переводческую и художественную заслугу Бунин ставит себе не просто факт адекватного художественного перевода и отличное владение навыками чтения на английском языке, но и понимание стилистических особенностей «трудного» байроновского текста: «...Получил от Галича Вашу статью обо мне - американскую. Кое-как прочли ее - Вера лучше меня понимает по-английски - и это ли не диво! Лучше меня, который переводил на «ять» Мистерии Байрона, - стихи, где часто вместо слов одни кусочки их, - Вы знаете эти дьявольские сокращения, - перевел их без единой ошибки и получил за них Пушкинскую премию <...> - Никогда не прошу Вам, дорогой друг, что Вы думаете, что я пользовался чьими-то подстрочниками!!! Нет, <...> я пользовался только своими способностями и своей усидчивостью, да словарем Макарова!».

Диалог с Байроном оказался для Бунина особенно значимым. Он осуществлялся для русского писателя и в жизни, и в поэзии. В раннем рассказе «Перевал» (1892-1898) байронические мотивы одиночества, противоборства и отчужденности от мира получают новую жизнь в русле переменчивых ощущений «обыкновенного человека». В рассказе «Тишина» (1901), отражающем впечатления Бунина от поездки «по следам Байрона» на Женевское озеро (в 1900 г.), «товарищ» рассказчика восхищается сценой заклинания Манфредом Девы Гор. В позднем философском эссе «Освобождение Толстого» Бунин рассуждает о «байроновском демоне» - человеческой «мысли», уводящей человека от «блаженства», от Бога, от единства с миром и снова, через путь рассудочного познания, подводящего к Нему. В стихотворениях «Сатана Богу» (1903-1906), «Джордано Бруно» (1906), «Каин» (1906-1907), «Прометей в пещере» (1909), создававшихся в период работы над переводами из Байрона (1904-1909 гг.), Бунин по-своему трактует «байроновские» темы личного самоопределения, рассудочного познания, богоборчества. Стихотворение «Каин» особенно ярко иллюстрирует характерное для бунинских «байронических» стихотворений своеобразное просвечивание байроновских мотивов в архетипической, древней, восточной канве.

Читал Бунин и английскую прессу. Следы этого знакомства можно обнаружить в статье «Великом дурмане», опубликованной в «Южном обозрении» в 1919 г. «...Когда многие англичане думали, - пишет в нем Бунин, - что революция брызнет живой водой на Россию, <...> мне попался в руки какой-то английский журнал» [7]. Рассказывая об идиллически-ложной картинке, изображающей быт России в этом журнале, о столь же идиллических и ложных представлениях о «русской душе», высказываемых в английских книгах о России в этот период, Бунин включает свои описания английского «русского» в контекст рассуждений о

собственно «русском». Он исподволь обнаруживает связи между «лживостью» «неизменного народолюбчества», характерного для русской интеллигенции рубежа веков, и идиллическими представлениями о русских, распространенными в это время среди английской интеллигенции. Он видит такие внутренние связи культурного взаимодействия, которые и до сих пор никем не были исследованы.

Несмотря на свое «книжное» знание английского языка говорить по-английски Бунин, по всей видимости, не мог: в письме к Тырковой-Вильямс, написанном перед поездкой в Англию, он сознается, что «ни звука по-английски» [11, с. 375]. В исследовании О. Казниной приводится и «встречная» реакция Доусон-Скотт, соседки Бунина на торжественном банкете 3 февраля 1925 г.: «Я высказала мнение, что овощи полезны. На это Бунин на своем ломаном английском ответил: «Оф кауз». Он хотел сказать «конечно», а получилось «для коров»» [Там же, с. 376].

Среди имен современных ему английских авторов Бунину были в разной степени известны имена Джерома Джерома, Джона Голсуорси, Кэтрин Мэнсфилд, Дэвида Г. Лоуренса, Вирджинии Вульф, Герберта Уэллса, Стивена Грэма. Встрече с Джеромом Джеромом - английским писателем «со всемирной славой», знакомством с которым «могли похвалиться» очень немногие русские - Бунин посвятил очерк в своих «Воспоминаниях». Писатель предстает в ней почитаемым классиком английской литературы. О его весьма слабым интересе к Голсуорси, который воспринимался как эстетически чуждый создатель «сотен страниц», пишет Бахрах в книге «Бунин в халате» [3]. С Грэмом - создателем идиллических, религиозно-мистически окрашенных книг о русском народе - Бунин, конечно, также не мог найти много точек соприкосновения [11, с. 380]. Примечательно, однако, его личное знакомство с английским писателем, состоявшееся, по всей видимости, в Париже в 1925 г., когда Грэм собирал материал о русских эмигрантах для серии статей в «Таймс» весной 1925 г. и для книги «Разделенная Россия» (Лондон, 1925) [16; 17].

Широкую огласку получило резкое публицистическое выступление Бунина против очерков Г. Уэллса о его пребывании в Советской России. Очерки публиковались осенью 1920 г. в еженедельнике «Сандей телеграф», перепечатывались французскими и итальянскими газетами и, следовательно, были известны широкой публике. Бунин выступил с ответной статьей в парижской эмигрантской газете «Общее дело» 24-25 ноября 1920 г. В начале статьи он лаконично называет четыре причины своего выступления: «Нельзя не отозваться на слова такого известного, а значит, влиятельного человека, как Уэллс, и вот я экстрактирую его статьи, чтобы резче выступил их ужасный, а порою смехотворный смысл <...> - слушайте, слушайте, христиане, люди XX века и цивилизованного мира, что говорится о России не одними нами, которых подозревают в пристрастии, но и знаменитыми англичанами!» [8]. Причинами здесь называются широкая известность мнения знаменитого человека, ужас советского режима, отразившийся (более объективно, может быть) и в очерках Уэллса, возможность напомнить об этом миру и некорректность суждений английского писателя. Как видим, не только возмущение черствостью «чужака», как это принято прочитывать у Бунина, двигало автором. Об этом он прямо говорит дальше: «Мне, которому слишком не новы многие открытия Уэллса насчет ужасов в России, был больно и страшно читать его...». И тут же - резкий упрек, который в конце статьи перерастает в обвинение-угрозу: «Мне было стыдно за наивность этого туриста, совершившего прогулку к «хижинам кафров» <...> Но взойдет наше солнце, - <...> и тогда мы припомним вам, как унижали вы нас, как хулили вы имена, для нас священные».

Из дневников и писем Бунина ясно, что он был отчасти знаком с произведениями К. Мэнсфилд и Д. Г. Лоуренса. Более того, романы Лоуренса он сравнивал со своими «Темными аллеями». В письме от 6 мая 1941 г. к М. Алданову он с недоверием спрашивает: «Вы мне писали о строгости нравов у вас, - ужели они, правда, так строги? И даже среди русских читателей? Как же тогда читали у вас «Любовника леди Ч.»?» [14].

В дневниковой записи от 31 октября 1931 г. упоминаются «Письма» «Мансфильд». С К. Мэнсфилд Бунин имел и личное знакомство: когда в мае 1922 г. она вместе со своим редактором М. Мэрри приехала в Париж для лечения у известного врача И. И. Манухина, она намеревалась познакомиться с Буниным, по всей видимости, по просьбе С. Котелянского и Л. Вульфа, первый из которых в это время переводил бунинские рассказы, а второй планировал их публикацию. По поводу этой встречи К. Мэнсфилд писала Котелянскому: «Я встретила Бунина в прошлый вторник <...> Он как будто очень удивился тому, что ничего не получил за публикацию своего рассказа в «Дайл» и что с ним не посоветовались насчет английских переводов его рассказов <...> Бунин <...> очень достойный человек - ужасно достойный» [18].

Насколько близко Бунин был знаком с творчеством В. Вульф, сказать трудно. Косвенным свидетельством того, что он знал о ее литературной деятельности, является дневниковая запись Вены Николаевны о письме от Г. Струве (2 ноября 1931 г.), который «пишет насчет Вирджинии Вульф. Как будто есть надежда, что отнесется со вниманием, если, конечно, русские книги в ее издательстве не читает Святополк Окаянный» [13, с. 255]. Показательно то, что Вера Николаевна здесь прямо приписывает издательство Хогарт Пресс, создателями которого были Леонард и Вирджиния Вульфы, исключительно Вирджинии. Таким же образом она усматривает в Вирджинии и главного корреспондента издательства в переписке с авторами и переводчиками, хотя в действительности эту роль по большей части выполнял Леонард.

В этой записи Веры Николаевны речь идет, конечно, о «Жизни Арсеньева», английский перевод и издание которого Бунин предложил Хогарт Пресс в 1931 г. Предложение это основывалось на его знании об успехе «Господина из Сан-Франциско и других рассказов» - первого сборника его рассказов в Англии, выпущенного Хогарт Пресс в 1922 г.

Остановимся еще на одной детали из этой записи. Примечательное «Святополк Окаянный» в ней приоткрывает еще одну страницу из «книги» опосредованных и непосредственных контактов Бунина с Англией. Эта страница связана с именем князя Дмитрия Петровича Святополк-Мирского - русского эмигранта, авторитетнейшего английского историка русской литературы своего времени, имевшего влияние, в том числе, на В. Вульф и Д. Г. Лоуренса. Когда 1 января 1921 г. Вера Николаевна записывает: «Днем у нас долго сидел Мирский», - она еще не присоединяет к его фамилии столь характерный для Буниных эпитет [Там же, с. 20]. Появление «Окаянного» стало закономерным после выхода в свет в 1926 г. рецензии Мирского на парижские эмигрантские журналы «Современные записки» и «Воля России» с хлесткими фразами о бунинской «принципиальной уездности», «ненависти ко всему новому» и «редкого явления большого дара, не связанного с большой личностью» [12].

Отношение Мирского к Бунину менялось. В «Лондонском Меркурии» за 1922 г. он писал о Бунине как о «величайшем из <...> активно работающих писателей нашего времени» [11, с. 372]. Можно выделить, однако, одно наиболее известное суждение критика о нем: это глава о Бунине в историко-литературном труде «Современная русская литература» (1926). Здесь Бунин получает неоднозначную оценку как «более великий художник, чем Горький», чьи произведения, однако, лишены психологической глубины и отличаются композиционной нелогичностью и недостаточностью художественной обработанности материала [19].

Восприятие Мирским творчества Бунина и зависимость этого восприятия, так же как реакции на Бунина английской интеллектуальной элиты в 20-30х годах XX века в целом, от эмигрантского положения Бунина и от его резко высказываемой политической позиции - тема широкая и требует отдельного рассмотрения. Она, несомненно, связана с вопросом об узкой ограниченности рамок, с помощью которых английские читатели определяли и определяют место Бунина в русской литературе.

Эти рамки аккуратно описал анонимный корреспондент «Таймс» в новости о банкете ПЕН-клуба в феврале 1925 г.: «Известность в нашей стране он приобрел благодаря рассказу «Господин из Сан-Франциско», одному из тех, которые были опубликованы в сборнике «Пятнадцать рассказов» и которые, также как «Деревня», были переведены на английский язык» [20].

Список литературы

1. **Аз (Зелюк О. Г.)**. Наши беседы: у академика И. А. Бунина // Одесский листок. 1912. № 207. 6 сентября.
2. **Бабореко А. И. А.** Бунин о переводах // Мастерство перевода - 1966: сб. ст. / под ред. К. И. Чуковского и др. М.: Советский писатель, 1968. С. 375-376.
3. **Бахрах А.** Бунин в халате. М.: Согласие, 2000. 244 с.
4. **Бунин И. А.** Джером Джером // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Терра, 2009. Т. 9. С. 50.
5. **Бунин И. А.** Джером Джером // Сегодня. 1927. № 138. 26 июня.
6. **Бунин И. А.** Записная книжка // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Терра, 2009. Т. 9. С. 252-255.
7. **Бунин И. А.** Из «Великого дурмана» // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Терра, 2009. Т. 9. С. 235.
8. **Бунин И. А.** Несколько слов английскому писателю // Бунин И. А. Великий дурман. М.: Совершенно секретно, 1997. С. 69-70.
9. **Бунин И. А.** Письмо к А. А. Коринфскому, 18 ноября 1895 г. // Бабореко А. И. А. Бунин: материалы для биографии с 1970 по 1917 г. М.: Художественная литература, 1983. С. 8.
10. **Бунин И. А.** Письмо К. С. Станиславскому, 5 ноября 1908 г. // Бунин И. А. Письма 1905-1919 годов / под ред. О. Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 89.
11. **Казнина О. А.** Русские в Англии: русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997. 415 с.
12. **Мирский Д. С.** Рецензия на «Современные записки» и «Волю России» за 1920-1925 гг. // Версты. 1926. № 1. С. 209.
13. **Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы:** в 3-х т. / под ред. М. Грин. Frankfurt/Main: Possev-Verlag, 1981. Т. 2.
14. **Fedoulova R.** Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. 22. № 4. P. 471-488.
15. **Fedoulova R.** Lettres d'Ivan Bunin à Mark Aldanov – II (1948-1953) // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23. № 3-4. P. 469-500.
16. **Graham S.** Russian Writers in Exile. I. Ivan Bunin // The Times. 1925. 3 April. P. 17.
17. **Graham S.** Russian Writers in Exile. II. Alexey Remizof // The Times. 1925. 28 April. P. 17.
18. **Mansfield K.** Collected Letters. 1922-1923 / ed. by V. O'Sullivan and M. Scott. Oxford: OUP, 2008. P. 178-179.
19. **Mirskii D. S.** Contemporary Russian Literature. L.: LUP, 1926. P. 104-106.
20. **P.E.N. Club Dinner** // The Times. 1925. № 43877. February 4. P. 12.

BUNIN, ENGLAND AND ENGLISHMEN

Svetlana Borisovna Klimova, Ph. D. in Philology
Department of Russian Language and Speech Culture
Nizhnii Novgorod Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov
klimova1@hotmail.com

The author considers Bunin's literary, personal and social-cultural ties with England. Bunin's dialogue with England and Englishmen is long and reflects his artistic tastes, personal orientations and political beliefs. His distinctness partly clarifies the perception of Bunin's creativity in England.

Key words and phrases: dialogue; translation; correspondence; cultural interaction; mediated and direct contacts; perception.